

УДК 811.161.1'25(045)

*В.Б. Егоров***О РОЛИ ПЕРЕВОДЧИКА В НАЗВАНИЯХ ДНЕПРОВСКИХ ПОРОГОВ
У КОНСТАНТИНА БАГРЯНОРОДНОГО**

Девятая глава трактата Константина Багрянородного «Об управлении империей» продолжает привлекать внимание исследователей. В числе активно обсуждаемых эпизод преодоления караваном росов (Ῥῶς) днепровских порогов на пути в Константинополь, в котором даны два параллельных ряда названий порогов по-росски и по-склавински, а также третий ряд «комментариев Константина» по-гречески. В связи с этими рядами дискутируется их соотношение, а также личность информатора Константина. Хотя этому информатору посвящено немало исследований, обойденным вниманием осталось еще одно необходимое для процесса информирования лицо — переводчик. Между тем обращение к процедуре информирования и роли в ней переводчика позволяет прояснить ряд темных моментов в повествовании Константина.

Ключевые слова: Константин Багрянородный, названия днепровских порогов, «Об управлении империей».

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-6-1227-1233

Девятая глава трактата императора Константина VII Багрянородного «Об управлении империей» [6, с. 44–51] — наиболее ранняя независимая от наших летописей зарисовка из жизни приднепровской руси¹ конца первой половины X в. — не перестает привлекать к себе внимание историков и лингвистов. В этой зарисовке, в частности, описано преодоление днепровских порогов торговым караваном руси на пути в Константинополь. Академический комментарий к трактату Константина (далее — АК) так характеризует это описание: «Подробность и яркость его, указание мелких деталей внешнего вида порогов, характеристика способов преодоления каждого из них свидетельствуют о том, что описание вышло из-под пера очевидца, на собственном опыте познакомившегося с трудностями плавания по этому отрезку Днепровского пути» [6, с. 292]. Оставив пока в стороне фигуру речи «из-под пера», нельзя не признать, что в трактате Константина отражены личные впечатления участника плавания. Но это не дорожные заметки. Текст Константина представляет собой воспоминания, записанные немало времени спустя. На это указывают фактические ошибки описания: неправильный порядок преодоления порогов, даже неверное их общее количество, а также ошибочные оценки расстояний.

«Изюминка» описания порогов — два ряда их названий: по-росски (Ῥῶσιστῖ) и по-склавински (Σκλαβῖσιτῖ), сопровождаемые третьим рядом комментариев по-гречески. Согласно АК, «употребление слова “по-росски” по отношению к бесспорно скандинавским наименованиям порогов, очевидно, говорит о том, что Константин на основании полученной информации отождествляет язык росов с древнескандинавским». Однако к этому отождествлению необходима существенная оговорка: ко времени правления Константина Багрянородного Византия, скорее всего, еще не знала скандинавов². Вероятно, первыми ступившими на землю империи скандинавами были варяги, отосланные в 980 г. Владимиром Крестителем императору Василию II [8, с. 79; 3, с. 685], а в Константинополе служивые скандинавы обосновались только в XI в. [2]. Для византийцев середины X в. язык руси — росов (Ῥῶς) в терминах Константина — был просто русским, отождествление же его с древнескандинавским произвели авторы АК; и хотя среди историков оно вызывает возражения³, в среде лингвистов его можно

¹ Здесь и далее «русь» со строчной, когда речь идет об описанном в 9 главе трактата Константина торговом сообществе руси, и «Русь» с прописной для государства в Среднем Поднепровье. Следует отметить, что используемый Константином термин Ῥωσία означает у него не государство Русь, а область обитания руси, и в этом качестве он полностью сопоставим, например, с термином Πατρίνακία [6, с. 42] как областью кочевки печенегов.

² Здесь необходимо подчеркнуть, что русь — не скандинавы в общепринятом понимании таковых как жителей или уроженцев Скандинавии, а автохтонный народ Среднерусской равнины, родившийся там из скандинавской «затравки» при участии местных финноязычных и славяноязычных народов. К середине X в. родным и «рабочим» языком приднепровской руси, вероятно, оставался древнескандинавский, однако приплывавшие в Константинополь росы родились на берегах Днепра, вряд ли бывали в Скандинавии и наверняка не считали себя скандинавами, как не считают себя англичанами говорящие на английском языке американцы, канадцы, австралийцы или новозеландцы.

³ См., например, [1].

считать общепринятым. Тем более ни у кого нет возражений против трактовки языка названий посклавински как славянских.

Помимо проблемы языковой идентификации названий порогов по-русски, которую можно считать решенной, АК в описании у Константина днепровских порогов выделяет еще три вопроса, которые до сих пор вызывают споры: «Во-первых, неясно соотношение трех элементов: “росского”, славянского названий и греческого перевода или пояснения. В разных случаях их соотношение различно: от полного совпадения всех трех элементов (для второго порога) до полного их расхождения (для седьмого порога)... Во-вторых, спорным является вопрос о языке первоначальных названий порогов (древнерусском или древнескандинавском)... Наконец, в-третьих, неоднозначен и ответ на вопрос о языковой принадлежности информатора Константина: был ли он скандинавом или славянином, или две группы названий почерпнуты из разных источников» [6, с. 321]. Эти вопросы и станут предметом дальнейшего рассмотрения.

* * *

Ответы на выделенные авторами АК вопросы в значительной степени зависят от этнического лица и социально-политической организации приднепровской руси в конце первой половины X в. А их понимание чрезвычайно затруднено тем обстоятельством, что и этническое лицо, и социально-политическая организация разительно различаются в трактате Константина и наших летописях.

У Багрянородного русь — относительно небольшое торговое сообщество⁴. Этнически русь противопоставлена местным славянам, которые являются ее пактиотами, социально довольно однородна, включая лишь купцов и архонтов, и политически не обременена государственными институтами. У руси Константина весьма специфический *modus vivendi*: летом она организует торговый караван в Константинополь, а на зиму в полном составе во главе с архонтами отправляется в полюдья добывать товары, не в последнюю очередь рабов, для летней торговли. Русь ежегодно приплывает в Константинополь, но текст Константина не дает оснований подозревать посещение византийцами Киева. Греки вообще не решаются совать нос в Северное Причерноморье, опасаясь господствующих в степях печенегов, а нанимают последних для выполнения отдельных поручений в Росии⁵, Хазарии и Зихии, предварительно обменявшись с ними заложниками [6, с. 41–42]. Русь тоже боится печенегов, которые способны блокировать им Днепровский путь на порогах, и старается поддерживать с ними хорошие отношения. Текст Константина показывает явное незнакомство византийцев с Киевом, который в понимании Константина является местом обитания руси, и не дает оснований предполагать регулярные дипломатические контакты между Киевом и Константинополем. Наконец, в среде руси, проводящей все зимы в полюдьях, а летнее время в дальнем плавании, трудно заподозрить наличие грамотеев, владеющих пером, из-под которого могло бы выйти нечто вроде красочного описания преодоления днепровских порогов.

В то же время в договоре 944 г. с Византией, текст которого включен в Повесть временных лет (далее — ПВЛ), Русь — полноценное феодальное «моноэтническое славянское» государство во главе с великим князем и многочисленным боярством. Оно принимает византийских послов в Киеве и отправляет своих послов в Константинополь, снабдив их некими грамотами [8, с. 48]. (ПВЛ не уточняет язык этих грамот, но по умолчанию можно полагать греческий или древнерусский.) Наконец, Русь ПВЛ не дрожит перед грозными печенегами, а смеет повелевать им [8, с. 46] и способна вести войну с самой Византией [8, с. 44–45].

Такое разительное расхождение двух документов можно объяснить только тем, что они рисуют нам картины, относящиеся к разным эпохам. Либо в трактат Константина попало свидетельство существенно более раннего времени, либо мы имеем дело с одним из многих анахронизмов ПВЛ. Против первого объяснения говорит упоминание в той же девятой главе трактата архонта руси Игоря, с которым Византия вряд ли имела возможность познакомиться до войны 941 г. А в пользу второго, в частности, упоминание в договоре 944 г. Переяславля, который, по археологическим данным, возникнет только в конце X в. (и, соответственно, отсутствует в трактате Константина в перечне подвластных руси городов). С учетом этих *pro* и *contra* в дальнейшем при обсуждении текста трактата Константина

⁴ Оценка А.П. Толочко численности руси середины X в.: «Пятьдесят мужей — это, быть может, и не охватывает “всех русов” Константина, но достаточно точно указывает на порядок чисел» [9, с. 264]. Неудивительно, что вся эта немногочисленная русь целиком размещается в Киеве.

⁵ В тексте Константина Ρωσία (см. прим. 1).

мы постараемся ориентироваться на этническое лицо и социально-политическую организацию приднепровской руси, какими они вырисовываются в этом самом трактате.

* * *

Возвращаясь к трем дискутируемым вопросам АК, нельзя пройти мимо личности участника плавания, поделившегося впечатлениями от него с византийцами. В литературе он обычно именуется информатором Константина. В угоду традиции сохраним за ним этот статус, хотя, разумеется, трудно себе представить, чтобы наш информатор, кем бы он ни был, получил аудиенцию у императора и василевс потрудились собственноручно записать его повествование, взвалив на себя труд простого канцелярского клерка.

В АК дан обзор мнений ряда историков о личности информатора Константина. Так, «М.В. Левченко предполагает существование двух информаторов: болгарского купца, знакомого с Днепровским путем, и скандинава, служившего в Византии. Некоторые транслитерации славянских названий действительно свидетельствуют о возможном южнославянском посредстве» [7, с. 210]. Далее, «Фальк указывает, что пропуски некоторых названий (“по-росски” или “по-славянски”), приведение одного названия при сходстве его звучания в обоих языках свидетельствуют скорее об одном информаторе, каковым, по его мнению, должен был быть “двуязычный варяг”» [11, с. 231]. Наконец, «Дж. Бьюри... отметил, что славянские названия в целом подвергались меньшему искажению, чем “росские”, а это может указывать на славянское происхождение информатора» [10, с. 541]. Подводя своеобразную черту под противоречивыми мнениями предшественников, авторы АК высказывают собственное суждение о личности информатора: «Включение именно в этот пассаж собственно византийских (точнее константинопольских) реалий: сопоставление ширины первого порога с циканистерием, а переправы Крария с ипподромом указывают на то, что автором его является житель Константинополя: побывавший в Киеве купец или, как предполагает большинство исследователей, член византийского посольства в Киев, участвовавший в подписании договора 944 г.» [6, с. 292]. Однако с итогом под чертой трудно согласиться.

Во-первых, наш информатор как непосредственный участник плавания вряд ли мог быть константинопольским купцом или членом византийского посольства в Киев 944 г. Ни византийцы, ни кто-либо еще кроме руси не плавал через днепровские пороги. Константин особо подчеркивает, что только русь была способна совершать такое «мучительное и страшное, невыносимое и тяжелое плавание» [6, с. 51]. Византийцы же не только не плавали по Днепру, но, как уже отмечалось выше, вообще Киев не посещали, а нанимали печенегов для выполнения отдельных поручений у руси, хазар и адыгов. Так что даже если бы Византия отправила в 944 г. посольство в Киев, что само по себе маловероятно⁶, имперские послы предпочли бы комфортный морской путь в Херсон с перепоручением посольской миссии печенегам преодоление днепровских порогов на утлых ладьях со всеми сопутствующими опасностями и неудобствами.

Во-вторых, византиец для оценки ширины порога и переправы через Днепр вместо сравнения их с «туристическими» достопримечательностями Константинополя наверняка просто использовал бы принятые в Византии стандартные, известные обеим сторонам меры длин и расстояний. Выбор сравнения вместо оценки в принятых единицах и, в частности, выбор для этого броских, типично «туристических» достопримечательностей Константинополя скорее указывает на впечатленного этими достопримечательностями «иностранный туриста». Прибегнуть к такому сравнению был бы вынужден иноземец, причем не только из-за яркости впечатлений от имперской столицы, но и вследствие незнания местных мер длины. Тогда и ошибка⁷ в оценке ширины переправы Крария вполне объяснима как ненадежностью личных воспоминаний, так и ограниченностью выбора эталонов сопоставления.

С учетом высказанных соображений в нашем случае таким наиболее вероятным «туристом» видится рос, недавно совершивший плавание через пороги и уже успевший мельком ознакомиться со столичными достопримечательностями. Также вероятным представляется, что это не рядовой купец руси, ежегодно плававший через пороги и вряд ли допустивший бы грубые ошибки в их числе и порядке прохождения, а некий архонт или, скорее, посол руси, совершивший единичное плавание (возможно, для заключения или подготовки договора 944 г.) и в силу своего статуса получивший возможность аудиенции у константинопольского чиновника.

⁶ Вслед за «соборной церковью св. Ильи», которую А.П. Толочко переносит из Киева в Константинополь [9, с. 288], вероятно туда же следует перенести и всю процедуру заключения договора 944 г., лишая тем самым греков необходимости совершать никому не нужное опасное путешествие в Киев.

⁷ В полтора-два раза: размер ипподрома около 100 м, а ширина переправы 150–180 м [6, с. 327].

* * *

Установление личности информатора Константина позволяет перейти к процедуре информирования и ее участникам. К сожалению, при множестве обращений к личности информатора процесс собственно информирования обделен вниманием исследователей. Между тем, именно особенности процедуры дают нам возможность прояснить некоторые темные моменты в повествовании Константина и ответить на вопросы АК.

Некоторые исследователи, судя по приведенным выше мнениям, полагают информатора Константина едва ли не полиглотом, владеющим русским (т. е. древнескандинавским), славянским и среднегреческим языками. Однако в свете отношений Византии и руси в конце первой половины X в., как они представлены в трактате Константина, трудно представить себе и владеющего древнескандинавским языком грека, и пишущего по-гречески киевского роса. Как было отмечено выше, первых скандинавов Византия увидит только через три десятка лет, а в Константинополе те прочно обоснуются только в следующем столетии. С учетом ситуации в Северном Причерноморье, как ее представляет нам Константин, греков в Киев калачом не заманишь, да и нечего им делать в Киеве: днепровская русь целиком вовлечена в годовые циклы зимних полюдий и летних караванов в Константинополь, из-за чего сама в Киеве бывает редко. Никаких постоянных представительств ни руси в Константинополе, ни, тем более, византийских в Киеве еще нет. В этих условиях трудно представить нашего информатора-роса владеющим литературным греческим языком. Может быть, кое-как по-гречески могли изъясняться ежегодно плавающие в Константинополь рядовые купцы руси, по крайней мере в тех пределах, что необходимы на рынках и в увеселительных кварталах имперской столицы. Но этих знаний явно недостаточно для красочного описания путешествия через днепровские пороги, да и не вхожи простые купцы в имперские канцелярии, а тем более императорские покои. Посему процессу информирования, помимо собственно информатора и фиксирующего его рассказ византийского клерка, решительно необходимо третье лицо — всеми забытый переводчик.

Кем же мог быть этот переводчик, если в Константинополе нет знатоков древнескандинавского, а в Киеве греческого? Частичный ответ на этот вопрос дал Фальк (см. выше) — «двухязычным варягом». Правда, варягов как таковых в Византии при Константине Багрянородном еще нет, зато «полуторазязычным» информатором, способным кое-как перевести названия порогов с родного древнескандинавского на худо-бедно знаемый им восточнославянский, мог стать любой рос. В том числе и наш предполагаемый информатор, архонт или посол руси, поскольку каждую зиму вся приднепровская русь во главе со своими архонтами участвовала в полюдиях [6, с. 51], где, постоянно общаясь с пактиотами-славянами, была вынуждена освоить некоторый словарный минимум их языка. При наличии «полуторазязычного» информатора-роса дело остается за малым — перевести бедный и корявый славянский язык информатора на литературный греческий язык. В Византии середины X в. несложно найти греко-славянского толмача, болгарина или серба. Правда, есть один нюанс: имеющиеся в распоряжении константинопольских чиновников греко-славянские переводчики знают южнославянский язык и вряд ли когда-либо имели дело с восточнославянским. Этот нюанс следует иметь в виду.

Появление в процессе информирования третьего лица — славянского переводчика — не только делает процесс информирования физически осуществимым, но и объясняет ряд необъяснимых прежде странностей в тексте Константина.

Возвращаясь к мнению М.В. Левченко, мы вынуждены вычеркнуть из кандидатов в информаторы некоего служившего в Византии скандинава и знакомого с Днепровским путем болгарского купца-посредника. Служивых скандинавов в Византии еще нет, и скандинавоязычным в Константинополе мог быть только рос. Что же до болгарских купцов, то, согласно Константину, никто, кроме руси, через днепровские пороги не плавал. Да и нечего делать болгарскому купцу в имперской канцелярии. Зато там самое место болгарскому толмачу. Именно славяно-греческий переводчик, а таковым в Константинополе, скорее всего, оказался бы болгарин, мог послужить самым естественным и уместным «южнославянским посредником», выявленным лингвистами в славянских названиях порогов у Константина. И меньше, согласно Дж. Бьюри, искажение славянских названий по сравнению с древнескандинавскими тоже находит наиболее естественное объяснение в том, что русские названия записывались греческим клерком со слуха как набор ничего для него не значащих и к тому же непривычных для его уха звуков, в то время как славянские предварительно проходили «фильтр» греко-славянского переводчика, который не только старался придать им смысл, но и помогал подобрать наиболее адекватную греческую транскрипцию.

* * *

Теперь мы готовы дать ответ на все три вопроса АК: был ли информатором скандинав или славянин, каков был первоначальный язык названий порогов и каково соотношение трех параллельных рядов в тексте Константина.

Информатором был не скандинав и не славянин, а «полуторазычный» рос. Родным его языком был древнескандинавский, поэтому неудивительно, что во всех случаях, переходя к описанию очередного порога, он начинал с его названия по-русски. Если бы информатор владел греческим языком, то вслед за названием на родном языке он дал бы его перевод по-гречески и этим ограничился, а в тексте Константина остались бы только два полных ряда названий — по-русски и по-гречески. Но наш информатор, увы, греческого языка не знал. Поэтому, назвав порог на родном языке, он пытался дать его перевод на восточнославянский — единственный, кроме родного языка, которым он хоть как-то владел. В каких-то случаях это ему удавалось, в каких-то не очень.

Наиболее удачными выходили кальки, когда соответствующие славянские слова были знакомы информатору. Так, древнескандинавский «Остров-порог» (Holm-fors в оригинале, Οὐλβορσί в тексте Константина) превратился во вполне понятный «Островунипрах» (Οστρβοουνιπράχ у Константина) с очевидной подменой нашим толмачом-болгарином восточнославянского «порогъ» на привычный ему южнославянский «прахъ». Чуть меньше повезло другой кальке. Древнескандинавский «Волна-порог» (Vagu-fors в оригинале, Βαρουφόρος⁸ у Константина) после неуверенного перевода информатором на восточнославянский был понят переводчиком как «Вольный порог» и зафиксирован как «Вульнипрах» (Βουλνιπράχ в тексте Константина), все с той же подменой порога на прах.

В тех случаях, когда информатор затруднялся с переводом на славянский, он вынужденно пускался в объяснения «на пальцах», более или менее путанные. Так рождались либо относительно короткие «славянские названия» вроде «Не спи» или «Кипение воды», которые со всей очевидностью не могли быть названиями порогов, либо более пространные так называемые «комментарии Константина». Появление таких «названий» и «комментариев», а также имеющиеся противоречия между ними естественно объясняются сложной процедурой двухэтапного перевода, похожего на игру в «испорченный телефон», с разной степенью путаности пояснений по-славянски информатора переводчику и разной степенью успешности их понимания последним.

Трудный процесс информирования на чужом языке через славяно-греческого переводчика дает исчерпывающее объяснение и появлению трех рядов названий порогов, и меньшему искажению славянских названий, и их южнославянской окраске. Однако он ставит новый вопрос: имелись ли вообще в то время общепринятые славянские названия днепровских порогов или весь славянский ряд в тексте Константина возник непосредственно в процессе информирования как побочный продукт двухэтапного перевода скандинавских названий на греческий язык? Если, согласно утверждению Константина, никто кроме руси не плавал через днепровские пороги, то непонятно, откуда могли бы взяться их «самостоятельные» славянские названия.

Итак, информатором Константина, по крайней мере в отношении эпизода с прохождением днепровских порогов, несомненно был рос. Даже простой факт приведения для всех порогов сначала их названий по-русски дает нам указание на родной язык информатора. Кроме того, описание явно дано участником плавания, а Константин особо подчеркивал, что только русь отваживалась на столь трудное и опасное предприятие. Поэтому вряд ли следует рассматривать участие в караване руси каких-то болгарских купцов. Что же касается славян, они, судя по тексту Константина, могли присутствовать в караване руси только в роли товара — рабов, которых приходилось перегонять в цепях при пеших обходах опасных порогов [6, с. 49]; и путь этих рабов лежал не в имперскую канцелярию, а на невольничий рынок Константинополя.

Сам факт предоставления возможности поведать что-то византийскому чиновнику позволяет предполагать в информаторе не простого роса, а архонта или посла руси. И тут вновь уместно вспомнить отставленную в сторону фигуру речи авторов АК «из-под пера очевидца». Ирония в том, что даже высокопоставленный представитель руси середины X в., архонт или посол, был скорее всего неграмотным и вряд ли когда-либо держал в руках перо. В лучшем случае, возможно, он смог бы нацарапать свое имя рунами младшего футарка⁹. Восточнославянский язык до крещения Руси в 988 г. считается

⁸ О различном написании по-гречески древнескандинавского fors в Οὐλβορσί и Βαρουφόρος см. [4, с. 186].

⁹ Как, например, это сделали русы на могиле одного из своих товарищей в записке Ибн Фадлана [5].

бесписьменным. Тем более нет оснований предполагать знание нашим информатором греческого языка, особенно литературного письменного, освоить который у обитателя Киева времен Константина Багрянородного не было ни возможности, ни нужды. Поэтому для появления в тексте Константина эпизода с днепровскими порогами, помимо собственно информатора и фиксирующего рассказ клерка, оказывается принципиально необходимым греко-славянский переводчик. Правда, клерк и переводчик могли быть совмещены в одном лице чиновника-славяноведа, что не меняет существа дела. Такой чиновник-славяноведа, специализировавшийся на славянской проблематике, вполне мог добавить свои ученые комментарии к рассказу информатора-роса¹⁰.

* * *

Таким образом, у текста девятой главы трактата Константина, по крайней мере в отношении эпизода преодоления днепровских порогов караваном руси, вырисовываются три «соавтора»: информатор-рос, переводчик-болгарин и чиновник-славяноведа. Возможность объединения двух последних в одном лице ничего принципиально не меняет, так как каждая из двух ипостасей все равно вносила бы свою лепту в окончательный текст то в качестве переводчика, то в качестве славяноведа. Совместным творчеством «соавторов» хорошо объясняется появление целого ряда псевдоназваний днепровских порогов по-славянски, которые, весьма вероятно, родились непосредственно в процессе информирования как побочный продукт двухэтапного перевода с древнескандинавского на греческий через славянский. А из-за случаев особо сильных затруднений с переводом на славянский, когда информатор прибегал к пространственным путаным объяснениям, с трудом понимаемым переводчиком, трактат пополнился еще одним «внеплановым» рядом — так называемыми «комментариями Константина».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брайчевский М.Ю. «Русские» названия порогов у Константина Багрянородного // Земли Южной Руси в IX–XIV вв. (История и археология). 1985. С. 19–30.
2. Васильевский В.Г. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII вв. // Труды В.Г. Васильевского. Издание императорской Академии наук. Т. 1. СПб. 1908. С. 176–355.
3. Егоров В.Б. Возможности этимологизации древнерусского слова «варяг» с учетом финноязычного посредничества // Вестник Удмуртского университета. История и филология. 2022. Т. 32. Вып. 4. С. 681–687.
4. Егоров В.Б. Некоторые замечания о произношении звука /r/ начальной русью // Вестник Удмуртского университета. История и филология. 2022. Т. 32. Вып. 2. С. 185–189.
5. Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. // Харьков, 1956. 150 с.
6. Константин Багрянородный. Об управлении империей (текст, перевод, комментарий) // Наука. 1991. 496 с.
7. Левченко М.В. Очерки по истории русско-византийских отношений // 1956. Изд-во АН СССР. 553 с.
8. Полное собрание русских летописей. Том 1. Вып. 1. 2 изд. // Из-во Академии наук СССР. 1926. 286 с.
9. Толочко А.П. Очерки начальной руси // «Laurus». 2015. 334 с.
10. Bury J.V. The treatise De administrando imperio // 1906. Byzantinische Zeitschrift. V. 15. Pp. 517–577.
11. Falk K.-O. Dneprforsarnas namn i Kajsar Konstantin VII. Porfyrogenetos' De administrando imperio // Gleerup. 1951. 304 p.

Поступила в редакцию 21.03.2023

Егоров Владимир Борисович, кандидат технических наук, ведущий научный сотрудник
Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» Российской академии наук
(ФИЦ ИУ РАН), Института проблем информатики (ИПИ РАН)
119333, Россия, г. Москва, ул. Вавилова, 44 (корп. 2)
E-mail: VEgorov@ipiran.ru

¹⁰ Например, такой добавкой может оказаться пояснение о Святославе, что он сын Игоря и сидел в Немогардасе [6, с. 45] (у Константина ἀπό τοῦ Νεμογαρδάς с несклоняемым Νεμογαρδάς, который с высокой вероятностью восходит к древнескандинавскому Nemoğard(a)r). Даже написание имени Святослава как Σφενδοσθλάβος можно объяснить эрудицией такого славяноведа, взявшего за образец написание имени Святополков (Моравского и Нитранского) Σφενδοπλόκος.

V.B. Egorov

**THE ROLE OF THE TRANSLATOR IN THE DNIEPER RAPIDS' NAMING
BY CONSTANTINE PORPHYROGENITUS**

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-6-1227-1233

The ninth chapter of Constantine Porphyrogenitus' treatise *De Administrando Imperio* retains the researchers' attention. Of particular interest is the episode of overcoming the Dnieper rapids by a Rosses' caravan on the way to Constantinople, where two parallel series of the rapids' names are given accompanied with the third series of "Constantine's comments". In connection with these three series, their language, mutual relationship, and the informant's personality are discussed. Although a lot of research has been devoted to the identity of that informant, one more actor in the informing process – the translator – has been omitted. Meanwhile, addressing the personality and role of the translator allows us to clarify a number of unclear points in Constantine's narrative.

Keywords: *De Administrando Imperio*, Dnieper rapids naming, initial Rus', Constantine Porphyrogenitus.

REFERENCES

1. Braychevskiy M.Y. "Russkie" nazvaniya porogov u Konstantina Bagryanorodnogo ["Russian" names of rapids by Konstantin Porphyrogenitus]. *Zemli Yuzhnoy Rusi v IX–XIV vv. (Istoriya i arkheologiya)* [The lands of Southern Rus' in the IX–XIV cc. (History and Archaeology)]. 1985. P. 19-30. (In Russian).
2. Vasil'evskiy V.G. *Varyago-russkaya i Varyago-angliyskaya družhina v Konstantinopole XI i XII vv.* [The Varangian-Russian and Varangian-English squad in Constantinople of XI and XII cc.]. *Trudy V.G. Vasil'evskogo. Izdanie imperatorskoy Akademii nauk* [Proceedings of V.G. Vasil'evskiy. Publication of the Imperial Academy of Sciences]. Vol. 1. Saint-Petersburg. 1908. P. 176-355. (In Russian).
3. Egorov V.B. *Vozmozhnosti etimologizatsii drevnerusskogo slova varyag s uchetom finoyazychnogo posrednichestva* [Possible etymologization of the Old Russian word Varangian considering the Finnic mediation]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Istoriya i filologiya* [Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology]. 2022. Vol. 32. No 4. P. 681-687. (In Russian).
4. Egorov V.B. *Nekotorye zamechaniya o proiznoshenii zvuka /r/ nachal'noy rusyu* [Some remarks regarding pronunciation of the sound /r/ by the initial Rus']. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Istoriya i filologiya* [Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology]. 2022. Vol. 32. No 2. P. 185-189. (In Russian).
5. Kovalevskiy A.P. *Kniga Akhmeda Ibn Fadlana o ego puteshestvii na Volgu v 921–922 gg.* [The book of Akhmed Ibn Fadlan about his travel to Volga in 921–922 years]. Khar'kov. 1956. 150 p. (In Russian).
6. Konstantin Bagryanorodnyj. *Ob upravlenii imperiey (tekst, perevod, kommentariy)* [Constantine Porphyrogenitus. *De Administrando Imperio* (text, translation, comments)]. *Akademiya nauk SSSR* [The Academy of Sciences of the USSR]. 1991. 469 p. (In Russian).
7. Levchenko M.V. *Ocherki po istorii russko-vizantiyskikh otnosheniy* [Essays on the history of Russian-Byzantine relations] *Akademiya nauk SSSR* [The Academy of Sciences of the USSR]. 553 p. (In Russian).
8. *Polnoe sobranie russkikh letopisey. Tom 1. Vyp. 1. 2 izd.* [The complete collection of Russian Chronicles. Vol. 1. Issue 1. 2 ed.] *Akademiya nauk SSSR* [The Academy of Sciences of the USSR]. 1926. 286 p. (In Russian).
9. Tolochko A.P. *Ocherki nachal'noy rusi* [Outlines of the initial Rus']. Laurus. 2015. 336 p. (In Russian).
10. Bury J.B. *The treatise De administrando imperio.* *Byzantinische Zeitschrift.* 1906. V. 15. Pp. 517-577. (In German).
11. Falk K.-O. *Dneprforsarnas namn i Kajsar Konstantin VII Porfyrogenetos' De administrando imperio.* *Gleerup.* 1951. 304 p. (In Swedish).

Received: 21.03.2023

Egorov V.B., Candidate of Technology, Leading Scientific Researcher
of Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Institute of Informatics Problems
Vavilova st., 34/2, Moscow, Russia, 119333
E-mail: VEgorov@ipiran.ru